

Интеллектуальная составляющая русской и балтийской языковой модели человека (на материале фразеологизмов русского, латышского и литовского языков)

Татьяна Александровна Стойкова / Tatyana Aleksandrovna Stoikova

Latvijas Universitāte, Rīga / University of Latvia, Riga
E-mail: tatjana.stoikova@lu.lv
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3387-1924>
<https://ror.org/05g3mes96>

Аннотация. В статье рассматривается интеллектуальная составляющая русской и балтийской языковой модели человека (ЯМЧ) на материале фразеологизмов. Интеллектуальная составляющая характеризуется соматическими фразеологизмами (ФЕ) с соотносимыми ключевыми компонентами: рус. *голова, мозг (мозги), ум, разум, рассудок* / лтш. *galva, smadzenes, prāts, saprāts* / лит. *galva, smegenys, protas, omuo*. Сопоставительный анализ семантики русских и балтийских ФЕ выявил общие типологические особенности сравниваемых ЯМЧ. Межъязыковые соответствия в большинстве случаев являются полными эквивалентами, реже – частичными, с варьированием компонентов и грамматической структуры. Тождество образных оснований свидетельствует об общности культурных коннотаций, и, следовательно, ценностных установок русского и балтийских этносов. По-видимому, межъязыковые русские, латышские и литовские эквиваленты восходят к тождественным прототипам, развившимся в соответствующие ФЕ в силу универсальности для трех этносов лингвистических и экстралингвистических факторов, что подтверждает гипотезу межъязыкового фразеологического параллелизма, особенно в случае соматических ФЕ.

Ключевые слова: сопоставительная фразеология, русский язык, литовский язык, латышский язык, языковая модель человека, лингвокультурология, культурная коннотация

Intellectual Component of Human Language Model in the Russian and Baltic Languages (based on Material of Phraseological Units of the Russian, Latvian and Lithuanian Languages)

Abstract. The article considers the intellectual component of the Russian and Baltic human language model (HLM) based on the material of phraseologisms. The intellectual component is characterized by somatic phraseological units (PhU) with key components correlated in Russian and Baltic languages: Rus. *голова, мозг (мозги), ум, разум, рассудок* / Latv. *galva, smadzenes, prāts, saprāts* / Lithuan. *galva, smegenys, protas, omuo*. In the semantics of the analyzed PhU, the following aspects of human

Received: 04.10.2024. Accepted: 04.12.2024

Copyright © 2024 Татьяна Александровна Стойкова / Tatyana Aleksandrovna Stoikova. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

intellectual activity are updated: normal / abnormal intellectual state; judiciousness, common sense / imprudence; good / poor mental capacity; a “container” of thoughts and quantitative indicators of mind and knowledge; memory abilities, normal thought activity / mental disorders. A comparative analysis of the semantics of Russian and Baltic PhU revealed common typological features of the compared HLM. Interlanguage Russian and Baltic correspondences in most cases are full equivalents, that is, identical in structure, composition of components and figurative bases, less often they are partial, that is, such in which there is a variation in components and grammatical structure. The identity of figurative foundations is a demonstration of the commonality of cultural connotations which, in turn, testifies to the commonality of many cultural attitudes of Russians and Balts. Apparently, interlanguage Russian, Latvian and Lithuanian equivalents go back to identical prototypes that developed into corresponding PhU under the combined action of universal (for all three ethnic groups) linguistic and extralinguistic factors, and this confirms the hypothesis of interlanguage phraseological parallelism, especially in the case of somatic phraseologisms.

Keywords: Comparative Phraseology, Russian, Lithuanian, Latvian, Human Language Model, Cultural Linguistics, Cultural Connotation

Rusų ir baltų kalbų žmogaus modelio intelektualinis komponentas (remiantis rusų, latvių ir lietuvių kalbų frazeologijos medžiaga)

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjamas rusų ir baltų kalbų žmogaus modelio intelektualinis komponentas frazeologijos pagrindu. Intelektualiniam komponentui būdingi somatiniai frazeologizmai, kurių pagrindiniai komponentai koreliuoja rusų ir baltų kalbose: rus. *голова, мозг (мозги), ум, разум, рассудок* / ltsh. *galva, smadzenes, prāts, saprāts* / liet. *galva, smegenys, protas, omuo*. Lyginamoji rusų ir baltų frazeologizmų semantikos analizė atskleidė bendrus tipologinius bruožus. Dažniausiai aptinkami visiški atitikmenys, rečiau – daliniai atitikmenys, kuriuose pastebimi komponentų ir gramatinės struktūros kitimai. Figūrinių pagrindų tapatumas rodo kultūrinių konotacijų, taigi ir rusų bei baltų etninių grupių vertybinių sistemų bendrumą. Matyt, tarpkalbiniai rusų, latvių ir lietuvių atitikmenys siekia identiškus prototipus, kurie, veikiant kalbiniais ir ekstralingvistiniams veiksniams, išsivystė į atitinkamus frazeologinius vienetus, universalius trimis etninėms grupėms, o tai patvirtina tarpkalbinio frazeologinio paralelizmo hipotezę, ypač somatiniuose frazeologizmuose.

Reikšminiai žodžiai: gretinamoji frazeologija, rusų kalba, lietuvių kalba, latvių kalba, kalbinis žmogaus modelis, lingvokultūrologija, kultūrinė konotacija

Введение

Сопоставительное изучение фразеологической семантики и фразеологической картины мира (как части языковой картины мира) в контексте балто-славистики представляется перспективным в силу особых исторических взаимоотношений балтийских и славянских языков. Славянская и балтийская фразеология в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте в XXI веке становится предметом современных исследований лингвистов Балтии [Русецкая 2010; Сырица 2011; Воробьева 2014a; Воробьева 2014b; Стойкова 2016; Стойкова 2018; Eigirdienė 2016; Коницкая 2021]. Привлечение фразеологического материала двух, а по возможности и более языков, широкий языковой фон позволяют выявить универсальное и национально-специфическое в мировидении славян и балтов, запечатленное в семантике фразеологизмов (далее ФЕ). Важное место в

сопоставительных фразеологических исследованиях отводится структурно-типологическим изысканиям, основы которых закладывались и развивались В. М. Мокиенко [1980], Э. М. Солодухо [1983], Д. О. Добровольским и др. [Добровольский и др. 1990].

Большая часть ФЕ отражает древнее сознание народа и его представления о мире и человеке. Упорядоченные в системе бинарных оппозиций представления о человеке формируют архаичную наивно-языковую модель человека (в дальнейшем – ЯМЧ), в которой отчетливо выделяются две ключевые оппозиции: *дух, душа – плоть, тело и голова, мозг – сердце, кровь*. Действительно, *душа и дух* «указывают на нематериальное начало в человеке», *плоть и тело* – «на материальное начало» [Шмелёв 2002, 21]; *сердце и кровь* «в качестве средоточия эмоциональной жизни человека» «противопоставляются *голове и мозгу (мозгам)*, в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека» [Там же, 34].

В данной статье с применением лексико-семантического и лингвокультурологического методов рассматривается интеллектуальная составляющая ЯМЧ человека, анализируются общие для трех этносов представления об этой сфере, запечатленные в семантике соматических ФЕ русского и балтийских языков. Источниками материала послужили фразеологические и толковые словари современных литературных русского, латышского и литовского языков [ФСРЛЯ; ФСРЯ; LFV; LLVV; RLFŽ; FŽ].

1. Ключевые компоненты ФЕ, характеризующих интеллектуальное начало в человеке

Интеллектуальная составляющая ЯМЧ характеризуется соматическими ФЕ с ключевыми компонентами, соотносимыми в русском и балтийских языках: рус. *голова, мозг (мозги), ум, разум, рассудок* / лтш. *galva, smadzenes, prāts, saprāts* / лит. *galva, smegenys, protas, omuo*. Слова *голова, мозг* указывают на материальные органы и части тела человека, наделенные функцией мышления и понимания, поэтому данные слова на основе метонимического переноса называют и сами органы мышления и понимания [Урысон 2003, 34], что относится и к их балтийским соответствиям. Слова-синонимы *ум, разум, рассудок* «обозначают как ‘способность человека думать и понимать’, так и ‘нечто невидимое, подобное органу, с помощью которого человек думает и понимает’» [Там же, 29], то же относится и к лтш. *prāts, saprāts*, лит. *protas, omuo*. По утверждению Е. Урысон, ум (разум, рассудок), как любой орган, имеет определенную локализацию, помещаясь «где-то в верхней части головы человека, в области лба и висков», и неслучайно, «оценивая» чьи-либо умственные способности, мы стучим по лбу или крутим пальцем у виска [Там же, 28].

В прототипических языковых единицах, из которых развились анализируемые ниже ФЕ, слова рус. *голова, мозг, ум, разум, рассудок* / лтш. *galva, smadzenes, prāts* / лит. *galva, smegenys, protas, otiuo* являются ключевыми. В процессе семантического переосмысления (метонимизации или метафоризации) прототипов базовые аспекты значений данных слов актуализировались в семантике ФЕ, характеризующих интеллектуальное начало в человеке: нормальное / аномальное интеллектуальное состояние; рассудительность, здравый смысл / безрассудность; хорошие / плохие умственные способности;местилище / хранилище мыслей, знаний; память; мыслительная деятельность / нарушение мыслительной деятельности.

2. Соматическая метонимия как структурная основа русских, латышских, литовских ФЕ, характеризующих интеллектуальные качества человека

В русском и в балтийских языках ряд ФЕ называет и характеризует человека как носителя интеллектуальных и личностных качеств. Образы и значения рассматриваемых ниже ФЕ сформировались на основе сочетания древнейшей метонимии по модели «часть – целое» («голова – человек») с метафорой: метафорический сдвиг переживали прилагательные в процессе фразеологизации прототипов.

При анализе русских и балтийских ФЕ, имеющих одинаковое значение, нередко обнаруживается не только тождество лексико-грамматической структуры «прилагательное + существительное ‘голова’», но и тождество компонентов и образных оснований, что позволяет считать такие ФЕ полными межъязыковыми эквивалентами. Ср.: о забывчивом, рассеянном человеке: рус. *дырявая голова* = лтш. *caura galva*; об умном, ода-рённом человеке, с хорошими интеллектуальными способностями: лтш. *laba galva* (*labs* ‘хороший’) = лит. *gera galva*, рус. *светлая голова* = лит. *šviesi galva* = лтш. *gaiša galva*, а также *skaidra galva* (‘ясная голова’, *ясный* – синоним к *светлый*); о человеке со слабыми умственными способностями: рус. *пустая голова* = лтш. *tukša galva* = лит. *tuščia galva*; рус. *дурья голова / баушка* = лтш. *dumja galva* = лит. *kvaila galva*; рус. *курья голова* = лтш. *cāļa galva* (‘цыплячья голова’); о пылком, увлекающемся или лихом, безрассудном, отчаянном человеке: рус. *горячая голова* = лтш. *karsta galva* = лит. *karšta galva* (ср. также лит. синоним *karštakošė galva*, где *karštakošė* – прилагательное, образованное на основе словосочетания *karšta košė* ‘горячая каша’).

Если ФЕ разных языков с одинаковым (или близким) значением различаются структурой, компонентным составом и/ или образными основаниями, то мы имеем дело с неполным тождеством ФЕ, то есть с час-

тичными (неполными) межъязыковыми эквивалентами. Так, значение ‘умный человек, с хорошими интеллектуальными способностями’ передают рус. *золотая голова*; лтш. *viegla galva* (*viegls* ‘легкий’); значение ‘глупый, ограниченный человек, со слабыми умственными способностями’ передают, в частности, ФЕ: рус. *голова еловая, голова садовая, дубовая голова, чугунная голова, мякинная голова / баушка*; лтш. *resna galva* (*resns* ‘толстый’), *bieza galva* (*biezs* ‘густой, толстый’), *grūta galva* (*grūts* ‘тяжелый’), *cieta galva* (*ciets* ‘твердый’), *stūra galva* (букв. ‘угловая голова’, *stūris* ‘угол’), *krama galva* (‘кремневая голова’, *krams* ‘кремень’), *aitas galva* (‘овечья голова’, *aita* ‘овца’), *auna galva* (‘баранья голова’, *auns* ‘баран’), лит. *medinė galva* (‘деревянная голова’), *minkšta galva* (‘мягкая голова’) *avies galva* (‘овечья голова’, *avis* ‘овца’), *asilo galva* (‘ослиная голова’, *asilas* ‘осел’), *arklio galva* (‘конская голова’, *arklys* ‘конь’) и др. (Заметим, что в латышском и в литовском языках существительные в препозиции в форме родительного падежа выполняют функцию прилагательных, как в последних примерах ФЕ с компонентами лтш. *stūris, krams, aita, auns*; лит. *avis, asilas, arklys*).

ФЕ с тем же значением (‘о человеке со слабыми умственными способностями’), но другой структурой также имеют полные или частичные эквиваленты; ср., например, рус. *голова соломой набита* = лит. *galva pelenų / pelų prikimsta*.

3. Пространственные характеристики органов мышления и понимания, актуализированные в семантике ФЕ

Как любой орган, голова и ум имеют пространственную характеристику: и в русском, и в балтийских языках существуют группы глагольных ФЕ, актуализирующие общий признак ‘голова, ум – вместилище / хранилище мыслей, идей, знаний’ и являющиеся полными эквивалентами: образные основания их значений отражают противоположную направленность действий. Разнонаправленность выражена антонимичными грамматическими конструкциями: 1) направленность действия внутрь, ‘внутри вместилища’, что в русских ФЕ передается аккузативом без предлога или с предлогом *в*, в литовских – также аккузативом с предлогом *į* ‘в’, в латышских – локативом (беспредложной формой); 2) направленность действия изнутри, ‘из вместилища’, передается генитивом с предлогом рус. *из*, лтш. *no* ‘из’, лит. *iš* ‘из’. Ср. примеры к 1): рус. *входит (прийти) в голову* = лтш. *ienākt galvā* = лит. *ateiti į galvą*; рус. *братъ в голову* = лтш. *ieņemt galvā / prātā* (‘братъ в голову / в ум’) = лит. *imti į galvą*; рус. *вбивать в голову* = лтш. *iedzīt / sadzīt galvā* = лит. *įkalti į galvą*; рус. *набивать / забивать голову* = лит. *galvą prigrusti / prikimšti*; также лтш. *ieliet galvā* (*ieliet* ‘вливать’) ‘накапливать знания, тщательно что-либо изучать’; к 2):

рус. выбивать из головы = лит. *iš galvos išmušti*; рус. выбрасывать (дурь) из головы = лит. *iš galvos [iš]mesti*; рус. из (своей) головы = лтш. *no savas galvas* ('из своей головы') 'самостоятельно, без чужих советов' и т.д.

Пространственные характеристики ума нередко связаны с его количественными характеристиками, ср. рус. *набираться ума* = лтш. *pieņemties prātā* = лит. *įgauti proto* ('становиться умнее, накапливать знания и опыт'), ср. также рус. ФЕ *ума палата*, отражающая национально-культурную специфику [комментарий см.: СРФИЭС 1999, 585].

4. Память как аспект интеллектуальной деятельности человека

С образом вместилища / хранилища знаний, мыслей, идей связан такой базовый аспект интеллектуальной деятельности, как память, проявленный в противопоставленных признаках глагольных ФЕ: а) 'помнить', 'вспомнить', 'запомнить'; б) 'забыть'. Ср. полные и частичные эквиваленты со значениями: а) 'помнить', 'вспомнить / вспоминать', 'запомнить / запоминать': рус. *набивать / забивать голову* = лит. *galvą prigrusti / prikimšti*; рус. *держат в голове / в уме* = лтш. *paturēt galvā / prātā* = лит. *turėti galvoje / omenų* ('держат в голове / уме'); рус. *прийти в голову / на ум* = лтш. *ienākt / iekrist galvā / prātā*; лтш. *iešauties galvā / prātā* ('выстрелить / мелькнуть в голове / в уме'), *iekalties galvā* 'хорошо запомниться' = лит. *šokti / šauti į galvą* ('внезапно прийти в голову, вспомниться'), и др.; б) 'забыть': рус. *из ума / головы вон (выскочило)* = лтш. *iziet / izkrist* ('выйти' / 'выпасть') *no galvas / no prāta* = лит. *išeiti / iškristi* ('выйти' / 'выпасть') *iš galvos*; лтш. *izkūpēt no galvas / no prāta* = лит. *išlakstė iš galvos* (лтш. *izkūpēt* и лит. *išlakstyti* имеют значение 'рассеяться'); рус. *вылететь из головы / из ума* – лтш. *izlaist no galvas / no prāta* (*izlaist* 'выпустить'); и др.

5. Нормально протекающий процесс мыслительной деятельности и нарушения мыслительных процессов

Другие глагольные ФЕ с общим значением 'процесс (нормальной) мыслительной деятельности, характеризующийся, как правило, логичностью, последовательностью, ясностью', развиваются либо также на основе образа вместилища, либо на других образно-метафорических основах.

Образ вместилища содержат, например, следующие полные эквиваленты: рус. *уложить(ся) в голове* = лтш. *iesėsties galvā*; ср. антонимы: рус. *не укладывается в голове* = лит. *galvoj netelpa*. В других эквивалентных ФЕ базовым является образ движения, перемещения, ср: рус. *шевелить мозгами* = лтш. *(pa)kustināt smadzenes* = лит. *smegenis judinti, smegenis pakrutinti*; рус. *раскидывать умом / мозгами; доходить (своим, собственным) умом*, лит. *smegenis vartyti* ('ворочать мозгами'). Сопут-

ствующий признак интенсивности мыслительной деятельности передают эквиваленты с образным основанием ‘разрушение чего-либо’: рус. (с)ломать голову = лтш. (iz)lauzīt galvu = лит. laužyti galvą.

Во всех трех языках обнаруживаются и полные эквиваленты с противоположным значением – ‘(временное) нарушение способности человека связно мыслить, ясно осознавать и логично рассуждать’, которое формируется также на базе образа вместилища, грамматически оформленного локативом как в русском, так и в балтийских языках, ср.: рус. каша в голове = лтш. putra galvā = лит. košė galvoje; рус. путаница в голове = лтш. juceklis galvā; рус. в голове смешалось = лтш. galvā sajukusi = лит. smegenų sumaišymas (‘смешение мозгов’). Специфическое образное основание содержат латышские ФЕ с данным значением – *prātu putrā apstrebt* (букв. ‘выхлебать ум с кашей’), лтш. *prātu maizē apēdis* (букв. ‘ум съел с хлебом’), где *prāts* метафорично осмысливается как ‘еда, продукт питания’ (ср. также рус. *проесть мозги*).

Интеллектуальное состояние, соответствующее норме, фиксируется тождественными по значению ФЕ, компоненты-прилагательные в которых являются близкими межъязыковыми синонимами, но грамматические структуры ФЕ различаются падежными формами: рус. *быть в (здоровом, своем) уме* (П.п.) = лтш. *būt pie pilna prāta / saprāta* (Род. п.) = лит. *būti pilno proto* (‘быть в полном уме / разуме’) (Род. п.); ср. также лтш. *būt gudrā prātā* (*gudrs* ‘мудрый’) с тем же значением.

Антонимичное значение ‘анормальное интеллектуальное состояние, расстройство мыслительной деятельности, утрата способности связно, разумно мыслить’ передают ФЕ, зачастую являющиеся полными эквивалентами: рус. (no)мешаться в уме = лтш. (sa)jukt prātā; рус. потерять разум = лтш. (pa)zaudēt prātu /saprātu – лит. *netekti proto* с синонимичным глагольным компонентом *netekti* ‘лишиться’; рус. сойти с ума = лтш. *iziet no prāta* = лит. *išeiti iš proto*, а также лит. *išsikraustyti iš proto* с синонимичным глагольным компонентом *išsikraustyti* ‘выселить, (пере)селиться’. В отдельных случаях наблюдаются грамматические различия в падежных формах существительного: рус. *выжить из ума* (Род. п.) = лтш. *izdzīvot prātu* (Вин. п.). Ср. также лтш. *noskriet no prāta* (букв. “сбежать от ума”), лтш. *prāts nav mājās* (букв. “ума нет дома”; синонимично рус. *не все дома* = лит. *ne visi namie*); рус. *тронуться умом (в уме)* = лит. *iš proto / iš galvos kuoktelėti /kvaištelėti* (букв. “с ума свихнуться”), также рус. *тронуться мозгами, разум пошатнулся* и др. Действительно, ум / разум символизируют «основу, на которой зиждется само существование человека, его нормальная жизнедеятельность» [БФСРЯ 2006, 685]: в одних случаях в образном основании ФЕ с глаголами движения – в частности, с глаголами *тронуться, пошатнуться* – мотивирующим является при-

знак ‘физическое смещение ума’; в других – с глаголами рус. *сойти*, лтш. *iziet* ‘уйти’, *noskriet* ‘убежать’, лит. *išeiti* ‘(вы)йти’, *kraustyti/išsikraustyti* ‘(пере)выселить/-ся’ – признак ‘отделение от ума посредством физического перемещения’. В лтш. ФЕ (*sa*)*jukt prātā* (где (*sa*)*jukt* ‘расстроиться, рассыпаться, развалиться’), лит. *smegenų sumaišymas* ‘смещение мозгов’), как и в рус. (*но*)*мешаться в уме*, в качестве мотивирующего на первый план выступает признак ‘нарушение целостности ума’, приводящее к разрушению основы жизнедеятельности человека.

6. Культурная коннотация как источник ценностных смыслов, заключенных в семантике ФЕ

В обеих (русской и балтийской) фразеологических моделях человека формируется универсальное представление о его интеллектуальной составляющей. Рассматриваемые соматические ФЕ, синонимичные по значению, часто эквивалентные по составу компонентов и по структуре, во многих случаях обнаруживают тождество образных оснований. При лингвокультурологическом методе исследования из образного основания значения ФЕ извлекается культурная коннотация, содержание которой, по мысли В. Н. Телии, составляет интерпретация образного основания в контексте культурного пространства языкового сообщества [Телия 1996, 215]. Культурная коннотация транслирует то универсальное и / или национально-специфическое в мировидении народа, что запечатлелось в образном основании, или внутренней форме, ФЕ. Анализ русских, с одной стороны, и литовских, латышских ФЕ, с другой, показывает, что культурные коннотации нередко схожи, если не тождественны, – таким образом выявляется единство в выделении и восприятии интеллектуальных параметров человека русской и балтийской лингвокультурами.

Развивая учение В. Н. Телии, М. Л. Ковшова в модели культурной коннотации усматривает три сферы: «мифологическую», «научно-познавательную» и «наивно-культурную» [Ковшова 2013, 148–153]. «Мифологическая» сфера, как наиболее древняя и наиболее абстрактная, представлена архетипической моделью мира, сформированной на базе бинарных оппозиций [Там же, 149]: при актуализации данной составляющей образное основание ФЕ отсылает к древнейшим архетипам. «Научно-познавательная» отражает «знания и представления, которые связаны с фразеологизмом и нужны для более точного его употребления» [Там же, 148]. «Наивно-культурная» составляющая «транслирует установки, стереотипы, символы, эталоны», которые ассоциируются с образом ФЕ [Там же, 153]. Извлечение элементов из разных сфер культурной коннотации при интерпретации ФЕ открывает общее и различное в мировидении славян и балтов.

Образы эквивалентных ФЕ, содержащих признаки ‘рассудительность, здравый смысл’, – рус. *иметь голову на плечах* = лит. *turėti galvą ant plečių*; рус. *голова на плечах (у кого)* = лтш. *galva ir uz pleciem (kādam)* ‘мыслить и действовать разумно, здраво’ – развиваются на основе архетипической модели, отражающей древнейший «способ постижения мира», который состоит «в упорядочивании» и в осмыслении порядка как основы мироздания [Леви-Стросс, цит. по: Ковшова 2013, 151]. Каждой вещи (в широком понимании) предназначено свое место: голова должна быть именно на плечах.

В образном основании рус. *потерять голову* = лтш. *zaudēt galvu* = лит. *rausti galvą* с противоположными относительно рассмотренных выше ФЕ признаками – ‘безрассудность решений, действий, поступков’; ‘утрата рассудительности, понимания ситуации и того, что нужно делать’ – актуализируется наиболее древняя архетипическая оппозиция «наличие – отсутствие чего-либо»: в данном случае – отсутствие головы как органа мышления и понимания, т. е. основы жизнедеятельности. Ср. также рус. *потерять разум* = лтш. *pazaudēt saprātu / prātu* = лит. *netekti proto*.

В образно-мотивационной основе эквивалентных рус. *жить своим умом / головой* = лтш. *dzīvot ar savu galvu* = лит. *gyventi savo galva* (‘жить своей головой’) проступает другое архетипическое противопоставление «свой – чужой» (ср. также лтш. *Pašam sava galva (uz pleciem) / У каждого своя голова (на плечах)*). Оппозиция «свой – чужой» отражает жизненную философию народа, которая раскрывается в пословицах, обнаруживая бесспорную ценность «своего» против «чужого»: рус. *Своя рубашка ближе к телу* = лтш. *Pašam savs kreklis tuvāks*, ср. другое соответствие лтш. *Sava āda ir tuvākā* («Своя кожа ближе»); рус. *Всякий кулик свое болото хвалит* – лтш. соответствие *Katra pīle savu ezeru liela* («Каждая утка свое озеро хвалит») – лит. соответствие *Kiekviena pušis savo šilui ošia* («Каждая сосна своему лесу шумит»).

При интерпретации эквивалентных ФЕ рус. *броситься с головой* = лтш. *mesties uz galvu* (‘рисковать, совершать что-либо необдуманно’) разворачивается ассоциация со стереотипами. Здесь образные основания ФЕ отсылают к стереотипу-ситуации, когда показателем необдуманности, неразумности поведения служит поспешность, торопливость: глаголы рус. *броситься* и лтш. *mesties* имеют значение ‘устремиться, поспешно направиться куда-л.’. Ср. русские и балтийские пословицы – полные эквиваленты, отражающие данный стереотип поведения, по-видимому, общий для русских и балтов: рус. *Семь раз отмерь – один отрежь* = лтш. *Septiņas reizes nomēri, vienreiz nogriez*; рус. *Туже едешь – дальше будешь* = лтш. *Lēnāk brauksi – tālāk tiks*.

Образные основания рус. ФЕ *совать голову в петлю* и полных эквивалентов лтш. *bāzt galvu cilpā* и лит. *galvą į kilpą kišti* ('предпринимать что-либо рискованное, сознательно подвергать свою жизнь опасности') указывают на один из стереотипных способов лишения человека жизни. В следующих ФЕ объединяющим стало ассоциирование образного основания с древнейшим символом круга: ср. рус. *голова идет кругом* = лтш. *galva iet riņķī*; рус. *голова кружится* = лтш. *galva griežas / reibst* = лит. *galva sukasi / raitosi*. Общий семантический признак этих эквивалентных ФЕ ('по временной причине потеря способности ясно соображать, здраво рассуждать'), действительно, ассоциативно отсылает к универсальному символу *круг* [ЭСЗЭ 2000, 265–266]: логическое языковое мышление, речь – линейный процесс, тогда как линия круга не имеет ни начала, ни конца, а движение по кругу – замкнутое, постоянно возвращающееся – в данном контексте символизирует путаницу мыслей, заблуждения и т.д.

Одной из причин временной потери способности ясно мыслить, т.е. отклонения от нормативного интеллектуального состояния, является воздействие алкоголя на разум, что отражается в семантике ФЕ рус. *ударять / ударить в голову* = лтш. *iesist galvā*; рус. *броситься в голову* = лит. *mušti galvą į*; а также синоним лтш. *iekāpt / sakāpt galvā* ('оказывать опьяняющее действие; об алкогольных напитках'). Образное основание значения ФЕ включает как бы в свернутом виде культурную коннотацию, «научно-познавательное» содержание которой при интерпретации ФЕ может быть развернуто следующим образом: алкоголь вызывает физиологические изменения, в частности стимулирует кровообращение, что приводит к расширению сосудов головы и резкому приливу крови к голове. В результате наивно-эмпирического опыта носителей разных языков восприятие действия алкоголя закрепилось одинаковым образом – через метафоризацию тождественных прототипических словосочетаний, развившихся в эквивалентные ФЕ рус. *ударить в голову* = лтш. *iesist galvā*. В латышском языке есть большая группа соматических ФЕ с общим значением 'о выпившем человеке': *būt jautrā prātā* (букв. 'быть в веселом уме'; ср. рус. *быть навеселе*); *galva ir silta* ('голова тёплая'); *ar siltu galvu* (букв. 'с теплой головой'); *siltā galvā* (букв. 'в теплой голове'); ср. также *iesildīt galvu* (букв. 'согреть голову') 'выпить'. Прилив крови к голове, лицу, шее вызывает физическое ощущение тепла, жара: больше крови – больше энергии. Таким образом, в концептуальные признаки понятия *выпивший человек (пьяный)* входят следующие: 'временное ослабление умственной деятельности', 'потеря ясности, связности мыслей и речи'.

7. Тождество компонентов ФЕ, характеризующих интеллектуальную и эмоциональную составляющие ЯМЧ.

Интересно, что некоторые русские и балтийские ФЕ с компонентами *голова / galva, ум / prāts / protas* выражают противоположную семантику, соотносясь не с интеллектуальной, а с эмоциональной составляющей ЯМЧ, называя и характеризуя эмоциональные состояния человека. В этой группе ФЕ также встречаются полные эквиваленты, например, рус. *как без головы* = лтш. *kā bez galvas* = лит. *kaip be galvos / proto* ('быть в сильном волнении, смущении'), где в образном основании значения известная архетипическая оппозиция «наличие – отсутствие чего-либо». Архетипическая оппозиция «верх – низ» актуализируется в образной семантике рус. *повесить голову* = лтш. *nokārt / nolaist galvu* = лит. *nukarti galvą* ('повесить / опустить голову') 'опечалиться, поддаться отчаянию, потерять самообладание': полюс «низ», в данном случае маркирован отрицательно, тогда как положительная оценка связана с «верхом»: ср. парные эквиваленты рус. *поднимать голову* = лтш. *celt galvu augšāk (augšāk* 'выше') 'чувствовать уверенность, гордость, прилив сил'; рус. *держат голову высоко* = лтш. *turēt galvu augšā* 'вести себя уверенно, с достоинством'.

Выводы

Исследование концептуализации интеллектуальной жизни человека в соматических ФЕ русского и балтийских языков с компонентами рус. *голова, мозг (мозгу), ум (пазум, рассудок)* / лтш. *galva, smadzenes, prāts (saprāts)*, лит. *galva, protas, otiuo* показывает, что ЯМЧ является безусловной универсалией, на основе которой выявляются общие типологические черты русской и балтийской ЯМЧ.

Типологической особенностью обеих моделей, по-видимому, является преобладание полных (реже – частичных) межъязыковых эквивалентов – ФЕ, тождественных (или близких) по структуре, компонентному составу, образному основанию. Значительный удельный вес полных эквивалентов, формирующих ЯМЧ, объясняется рядом факторов: архаичностью рассматриваемой ЯМЧ, структурированной на принципах бинаризма; архаичностью соматических ФЕ, наполняющих эту модель и, по всей вероятности, восходящих к тождественным прототипам. Тождество образных оснований свидетельствует об общности культурных коннотаций, и, следовательно, ценностных представлений о мире русского и балтийских этносов.

Полагаем, что проведенный анализ материала подтверждает поддерживаемую нами гипотезу о том, что наличие эквивалентных соот-

ветствий, особенно в области соматической фразеологии, по-видимому, является следствием независимого развития межъязыкового фразеологического параллелизма [Солодухо 1983]. Межъязыковые фразеологические соответствия могут развиваться под совокупным действием лингвистических и экстралингвистических факторов. Под лингвистическими факторами понимается универсальность языковых механизмов переосмысления семантики прототипов ФЕ (метонимизации и/или метафоризации), под экстралингвистическими – общность восприятия мира разными народами посредством соматического кода культуры (универсального и самого древнего из всех известных кодов культуры), тождественность принципов их ассоциативно-образного мышления, что обусловлено прежде всего универсальной физиологической и психической организацией человека, осваивающего внешний и внутренний мир.

Список сокращений

букв. – буквально
лит. – литовский
лтш. – латышский
рус. – русский

Источники

БФСРЯ – ТЕЛИЯ, В. Н. (ред.), 2006. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

СРФИЭС – БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И., 1999. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб: ФОЛИО-ПРЕСС.

ФСРЛЯ – ФЕДОРОВ, А. И. (сост.), 1997. *Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т.* Москва: «Цитадель».

ФСРЯ – МОЛОТКОВ, А. (ред.), 1994. *Фразеологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Вариант».

ЭСЗЭ – 2000. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*. Москва: «Локид».

LFV – LAUA, A., EZERIŅA, A., VEINBERGA, S., 2000. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Rīga: „Avots”.

LLVV – 1972–1996. *Latviešu literārās valodas vārdnīca. 1.–8. sējumi*. Rīga: Zinātne.

RLFŽ – STAŠAITIENĒ, V., PAULAUSKAS, J. (sud.), 1985. *Rusų lietuvių kalbų frazeologijos žodynas*. Vilnius: „Mokslas”.

FŽ – PAULAUSKAS, J. (red.), 2001. *Frazeologijos žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. <https://ekalba.lt/frazeologijos-zodynas/apie/FRAZ%20apie%20%C5%BDodyn%C4%85>.

Литература

ВОРОБЬЕВА, Л. Б., 2014а. Устойчивые выражения с компонентом *голова* в русском и литовском языках. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*, 4. Псков: Псковский государственный университет, 116–118. <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-vyrazheniya-s-komponentom-golova-v-russkom-i-litovskom-yazykah/viewer> (22.08.2024).

ВОРОБЬЕВА, Л. Б., 2014б. Национально-культурная специфика репрезентации соматизмов в русских и литовских фразеологизмах, *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, № 5. 214–217. <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-frazeologizmov-s-komponentom-glaz-v-russkom-i-litovskom-yazykah/viewer> (22.08.2024).

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О., МАЛЫГИН, В. Т., КОКАНИНА, Л. Б., 1990. *Сопоставительная фразеология (на материале германских языков)*. Владимир: ВГПИ.

КОВШОВА, М. Л., 2013. *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

КОНИЦКАЯ, Е., 2021. Русские и литовские фразеологизмы с компонентом *беза/beržas*: лингвокультурологический и этнолингвистический аспекты, *Slavistica Vilnensis*, 66(2). 93–108. [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66\(2\).73](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(2).73)

МОКИЕНКО, В. М., 1980. *Славянская фразеология*. Москва: «Высшая школа».

РУСЕЦКАЯ, Й. Я., 2010. Фразеологические соматизмы русского и литовского языков, *Мир русского слова*, № 3. 27–30. <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskie-somatizmu-russkogo-i-litovskogo-yazykov/viewer> (22.08.2024)

СОЛОДУХО, Э. М., 1983. *Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп)*. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Казань: Казанский государственный университет.

СТОЙКОВА, Т., 2016. Универсальные представления о мире и человеке в семантике соматических фразеологизмов: рус. *нога*, лтш. *kāja*, лит. *koja*, *Acta linguistica lithuanica*, 74. 40–54.

СТОЙКОВА, Т., 2018. Общие представления славян и балтов в семантике фразеологизмов с соматизмом рус. *рука*, болг. *ръка*, словац. *ruka*, латыш. *roka*, литов. *ranka*. In *Latvijas Nacionālā slāvistu komiteja. Referāti XVI starptautiskajā slāvistu kongresā (Belgrada, 20.08.2018. – 27.08.2018.)*. Rīga: Latvijas universitāte, 18–34.

СЫРИЦА, Г. С., 2011. Компаративные устойчивые сочетания в группе цветообозначений русского, латышского и немецкого языков. In *Valoda-2011. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIX*. Daugavpils: Daugavpils universitāte, 158–165.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

ШМЕЛЕВ, А. Д., 2002. *Русская языковая модель мира*. Москва: Языки славянской культуры.

УРЫСОН, Е. В., 2003. *Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогии в семантике*. Москва: Языки славянской культуры.

EIGIRDIENĖ, D., 2016. *Lietuvių ir rusų kalbų zooniminė frazeologija*. Kaunas: Technologija.

Sources

BFSRJā – TELIJA, V. N. (red.), 2006. *Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij*. Moskva: AST-PRESS KNIGA.

SRFIJeS – BIRIH, A. K., MOKIENKO, V. M., STEPANOVA, L. I., 1999. *Slovar' ruskoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravočnik*. SPb: FOLIO-PRESS.

FSRLJa – FEDOROV, A. I. (sost.), 1997. *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka*. V 2-h t. Moskva: «Citadel'».

FSRJā – MOLOTKOV, A. (red.), 1994. *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Sankt-Peterburg: «Variant».

JeSZJe – 2000. *Jenciklopedija simbolov, znakov, jemblem*. Moskva: «Lokid».

LFV – LAUA, A., EZERIŅA, A., VEINBERGA, S., 2000. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Rīga: „Avots”.

LLVV – 1972–1996. *Latviešu literārās valodas vārdnīca. 1. – 8. sējumi*. Rīga: Zinātne.

RLFŽ – STAŠAITIENĒ, V., PAULAUSKAS, J. (sost.), 1985. *Rusų lietuvių kalbų frazeologijos žodynas*. Vilnius: „Mokslas”.

FŽ – PAULAUSKAS, J. (red.), 2001. *Frazeologijos žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. <https://ckalba.lt/frazeologijos-zodynas/apie/FRAZ%20Apie%20%C5%BDodyn%C4%85>

Bibliography (Transliteration)

VOROB'’EVA, L. B., 2014a. Ustojchivye vyrazhenija s komponentom golova v ruskom i litovskom jazykah. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogičeskie nauki*, 4. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 116–118. <https://cyberleninka.ru/article/n/ustojchivye-vyrazheniya-s-komponentom-golova-v-ruskom-i-litovskom-yazykah/viewer> (22.08.2024).

VOROB'’EVA, L. B., 2014b. Nacional'no-kul'turnaja specifika reprezentacii somatizmov v russkij i litovskih frazeologizmah, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*, № 5. 214–217. <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-reprezentatsii-somatizmov-v-russkij-i-litovski-h-frazeologizmah> (22.08.2024).

DOBROVOL'’SKIJ, D. O., MALYGIN, V. T., KOKANINA, L. B., 1990. *Sopostavite-l'naja frazeologija (na materiale germanskih jazykov)*. Vladimir: VGPI.

KOVŠOVA, M. L., 2013. *Lingvokul'turologičeskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury*. Moskva: Knizhnyj dom «LIBROKOM».

KONICKAJA, E., 2021. Ruskie i litovskie frazeologizmy s komponentom bereza/beržas: lingvokul'turologičeskij i jetnolingvističeskij aspekty, *Slavistica Vilnensis*, 66(2). 93–108. [https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66\(2\).73](https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(2).73)

MOKIENKO, V. M., 1980. *Slavjanskaja frazeologija*. Moskva: «Vysshaja škola».

RUSECKAJA, J. JA., 2010. Frazeologičeskie somatizmy russkogo i litovskogo jazykov, *Mir russkogo slova*, № 3. 27–30. <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologičeskie-somatizmy-russkogo-i-litovskogo-yazykov/viewer> (22.08.2024)

SOLODUHO, Je. M., 1983. *Problemy internacionalizacii frazeologii (na materiale jazykov slavjanskoj, germanskoj i romanskoj grupp)*. Avtoref. diss. ... doktora filol. nauk. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet.

STOJKOVA, T., 2016. Universal'nye predstavlenija o mire i cheloveke v semantike somaticheskikh frazeologizmov: rus. *noga*, ltsh. *kāja*, lit. *koja*, *Acta linguistica lithuanica*, 74. 40–54.

STOJKOVA, T., 2018. Obshhie predstavlenija slavjan i baltov v semantike frazeologizmov s somatizmom rus. *pyka*, bolg. *ръка*, slovac. *ruka*, latysh. *roka*, litov. *ranka*. In *Latvijas Nacionālā slāvistu komiteja. Referāti XVI starptautiskajā slāvistu kongresā (Belgrada, 20.08.2018. – 27.08.2018.)*. Rīga: Latvijas universitāte, 18–34.

SYRICA, G. S., 2011. Komparativnye ustojchivye sochetanija v gruppe cvetooboznachenij russkogo, latyshskogo i nemeckogo jazykov. In *Valoda-2011. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIX*. Daugavpils: Daugavpils universitāte, 158–165.

TELIJA, V. N., 1996. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. Moskva: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury».

SHMELEV, A. D., 2002. *Russkaja jazykovaja model' mira*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

URYSON, E. V., 2003. *Problemy issledovanija jazykovoj kartiny mira: Analogii v semantike*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

EIGIRDIENĒ, D., 2016. *Lietuvių ir rusų kalbų zooniminė frazeologija*. Kaunas: Technologija.